

ВЫСОТА — МЕРИЛО СВЯТОСТИ.
ИНДУЛЬГЕНЦИИ — ЦЕНА СПАСЕНИЯ.

СВЯЩЕННАЯ ВЫСОТА

GIORGIO HYPNOS

18+

КНИГА 1

Giorgio Hypnos

Священная высота

«Автор»

2026

Нупнос G.

Священная высота / G. Нупнос — «Автор», 2026

Нью-Йорк давно поделен не на районы, а на этажи. Чем выше — тем ближе к Богу, и Церковь следит, чтобы никто не забывал цену подъёма. Вероника и Ника — сёстры и наёмницы Ордена Искупителей, охотницы за чужими грехами в городе, где высота продаётся, а совесть конвертируется в штрафы. Когда Вероника гибнет при задании, которое с самого начала пахло предательством, младшая сестра получает не тело для похорон, а вопрос без ответа. Чтобы получить его, Нике придётся подняться выше, чем позволено простому смертному — в кабинеты Куратора, в дом человека, который отдавал приказы её сестре, и наконец — к самому Патриарху, чья власть держится на лжи такого масштаба, что за неё убивают, не задумываясь. Время не на её стороне. И чем выше она поднимается, тем яснее понимает: Священный Престол построен не на вере — а на костях тех, кто верил слишком искренне.

© Нупнос G., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Игры на высоте	7
Глава 2. Десятина для Бога	10
Глава 3. Стрела Ордена	14
Глава 4. Закон и Милость	18
Глава 5. Троица в деле	22
Глава 6. Праздник среди святых	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Giorgio Nurnos

Священная высота

*Когда земной обрушится чертог
И все бывшие рухнут идеалы,
Родной лишь человек разделит рок,
Забыв про вековые ритуалы.
Пусть младше веком хрупкая сестра —
Она пойдет войной на исполина.
Один рожденный — слаб среди костра,
Двоих же кровь вовек непобедима.*

Пролог

Дождь в Верхнем городе шёл вертикально — это была одна из немногих вещей, которые погодные ИИ ещё не научились укрощать. Капли били по осколкам витражного стекла, разлетевшимся из окна собора тридцатью этажами выше, и падали дальше, в туман над Пятой авеню, где превращались в морось, смешанную с сажей.

Она бежала по карнизу технологического яруса, и с каждым шагом мир вокруг терял резкость.

Не от скорости — от яда.

Пальцы левой руки были сжаты в кулак так плотно, что ногти давно прошли кожу насквозь, но боли она не чувствовала: нейротоксин методично гасил сигналы тела, оставляя только два ощущения — хрип в лёгких и тяжесть металла в ладони. Золото. Чужое золото, снятое с чужого запястья десять минут назад, а теперь ставшее её единственным пропуском в мир живых.

Позади, там, где витраж всё ещё осыпался вниз медленным стеклянным дождём, остался зал, полный крика — не её. Она не оборачивалась. «Архангел» на виске моргал разбитой линзой, выхватывая из темноты рваные, ненадёжные обрывки маршрута: зелёная нить, вспышка, темнота, снова нить. Прибор умирал вместе со зрением своей хозяйки, и то и другое ещё держалось — на упрямстве, не на исправности.

Три дрона где-то далеко внизу разворачивали прожектора, но не в её сторону. Пока не в её. Система, вычислительная и безжалостная, была занята другим — человеком, оставшимся на мраморном полу нефы, чьё имя ещё несколько минут назад означало неприкосновенность, а теперь горело в базе данных Ока Господня статусом «опасный преступник, розыск».

Она добежала до края парапета. Внизу, в трёхстах с лишним метрах, Манхэттен цвёл фиолетовым и багровым — открытая рана из неона, залитая дождём. Где-то там, в этой ране, неделю назад разбилась о крыши старшая сестра. Одну неделю назад мир ещё казался ей справедливым.

Она прыгнула не потому, что верила в приземление. Она прыгнула, потому что позади не осталось ничего, ради чего стоило бы остановиться.

Свободное падение длится недолго, но память успевает вместить в него многое — если тело уже не мешает сознанию скоростью реакций, притуплённых ядом. В эти секунды перед ней не пронеслась вся жизнь. Перед ней пронеслись только несколько лиц.

Сестра, смеющаяся в закрытом баре Ордена, с новым крестом-кулоном на шее. Куратор, протягивающий руку для поцелуя кольца — за миг до того, как эта рука лишилась своей неприкосновенности. И человек в белом костюме без единого пятна крови, чьи глаза она видела

через весь зал собора — те же самые глаза, что смотрели на неё с фотографий, сделанных ещё до того, как она узнала цену его улыбки.

Трос вылетел из наруча с сухим щелчком, зацепившись за ржавую пожарную лестницу двумя ярусами ниже — не рассчитанным манёвром, а инстинктом тела, которое тренировали годами задолго до того, как разум смог бы его контролировать. Рывок. Хруст суставов, смягчённый гелем комбинезона. Мир качнулся, ветер сменил направление, и вместо асфальта Чистилища под ногами оказалась мокрая жестяная крыша какого-то безымянного склада на границе Подпрестоля.

Она упала на колени, и в этот момент яд, наконец, взял своё в полной мере — тело послушалось в последний раз и отказало.

Лёжа на холодном металле, глядя в дождливое небо, где башни Верхнего города продолжали сиять неоновыми крестами, она разжала кулак. Золотой браслет тускло блеснул между пальцами — нули на его счету светились сквозь морось, будто сам город решил, что теперь принадлежит ей.

Где-то очень далеко, в шпиле собора, всё ещё гудел на предельной частоте пульсирующий крест «Ока Господня», обрабатывая миллионы чужих грехов.

Он не заметил одного украденного имени.

Она закрыла глаза — не чтобы уснуть, а чтобы задержать в памяти то небольшое, что у неё осталось. Месяц назад всё было иначе. Месяц назад у неё ещё была старшая сестра, и ей ещё казалось, что высота — это про свободу, а не про то, как быстро можно упасть.

Месяц назад начиналась совсем другая ночь.

Глава 1. Игры на высоте

Ночной Верхний город не спал; он молился на чистоту линий и мономолекулярный углерод.

Вероника стояла на самом углу восемьдесят четвертого этажа «Эмпайр-стейт-билдинг», фактически нависая над пропастью. Мыски её мягких паркурских кроссовок выступали за край карниза, а под ними — в трёхстах пятидесяти метрах абсолютной пустоты — Манхэттен напоминал вскрытую микросхему, залитую багровым и фиолетовым неоном. Страх не было. В груди рождалось пьянящее чувство свободы. Одной рукой она небрежно держалась за крыло массивной каменной гаргульи, выступающей далеко за пределы фасада.

Двадцать три года, тело, вылепленное годами тренировок в нечто среднее между гимнасткой и хищником — не мышцы напоказ, а мышцы по делу. Тёмные волосы на тон светлее, чем у сестры, стянуты в тугой хвост, чтобы не лезли в глаза на скорости. Скулы резкие, взгляд спокойный, чуть отстранённый — взгляд человека, который слишком долго смотрел вниз, чтобы бояться высоты как обычные люди.

Эта застывшая тварь из камня и металла казалась ей надёжнее, чем вся её жизнь. Вероника знала историю здания: в начале 1930-х архитектор Уильям Лэмб и строители из «Starrett Brothers & Eken» закладывали в эти конструкции прочность, опережавшую своё время. Массивные стальные двутавры Круппа, обогащённый гранитный бетон, рассчитанный на ураганы, тектонические сдвиги и даже случайное столкновение с дирижаблем, для которых изначально проектировался шпиль. Гаргулья могла удержать на себе хоть переполненный автобус, и время было над ней не властно. Она пережила своих создателей и ту старую Америку, на руинах которой Церковь воздвигла свой Священный Престол.

Исторический шпиль, взмывающий ещё на шестьдесят метров выше, теперь был густо опутан силовыми кабелями. Они питали исполинский, пульсирующий крест нейросети «Око Господне». Каждый раз, когда ИИ обрабатывал биометрию горожан, крест над её головой глухо гудел, содрогая стальные рёбра здания. От вибрации древний камень гаргульи под пальцами Вероники едва заметно покалывал.

— Вероника, на связи. Как картинка? — тихий, сосредоточенный голос Ники в наушнике.

— Картинка — грех чревоугодия для глаз, — шепнула Вероника, поправляя капюшон матового графенового комбинезона «Вторая Кожа». — Выхожу на позицию. Подсвети сектор.

Стекло перед глазами мигнуло. Линзы «Архангела» просканировали пространство. На панорамные окна соседней высотки легла тонкая сетка дополненной реальности: зелёным подсветились титановые рамы и выступы вентиляции, красным — конусы света летающих сфер. Три «Дрона-Херувима» медленно кружили между небоскрёбами, выискивая нарушителей комендантского часа багровыми лазерными прожекторами. От бесшумных квантовых двигателей воздух вибрировал, пахнувший озоном и жжёной пластмассой.

— Приём, — раздался в канале третий голос, чуть хриловатый, довольный собой. — Запасной маршрут через технический этаж свободен. Я на месте, если что — подхватываю вас обеих через северный пожарный выход. Лукас на связи, не теряйтесь там наверху.

— Слышим тебя, силач, — фыркнула Вероника. — Сиди тихо и не жуи так громко в микрофон.

— Это нервы, — невозмутимо ответил Лукас. — Нервы любят хрустящее.

Ника коротко хмыкнула где-то на другом конце канала — там, внизу, в серой полутьме тридцать первого этажа Подпрестолья, где она сидела перед россыпью экранов, ловя каждое движение сестры через объективы «Архангела».

Целью сегодня был пентхаус в «Крайслер-билдинг» — архитектурной иконе ар-деко, стоявшей чуть восточнее, на пересечении 42-й улицы и Лексингтон-авеню. Отсюда, с угла Эмпайр, его знаменитый ступенчатый свод из нержавеющей стали «Enduro KA2» выглядел как корона безумного короля, пронзающая низкие, напитанные токсичным смогом тучи. Под орнаментами в виде гигантских стальных орлов — точных копий радиаторных крышек автомобилей «Плимут» 1929 года — жил опальный чиновник Департамента Искупления, утаивший от Церкви крупную сумму в Индულгенциях.

Между зданиями зияла бездна шириной в сорок метров. Для обычного человека — верная смерть. Для Искупителя Ордена — рабочий маршрут.

— Вероника, «Херувим» уходит на разворот к Пятой авеню. У тебя ровно сорок секунд, пока прожектор не зацепит мост, — скомандовала Ника. — Траектория рассчитана. Беги.

Вероника мягко оттолкнулась от плеча гаргульи и сорвалась с места. Плавный, летящий «флоу-стиль» делал её движения почти бесшумными. Кроссовки коснулись наклонного парапета. Толчок — и она уже летела по подвесному стеклянному мосту, соединяющему Эмпайр с соседним технологическим хабом. Перчатки «Геккон» скользнули по перилам, идеально гася инерцию. Ни одного лишнего взмаха руками. Вероника превращала кинетическую энергию собственного тела в чистый полёт.

Впереди показался декоративный уступ «Крайслер-билдинг». Один из стальных орлов выступал далеко за пределы стены, его полированные крылья были покрыты столетним слоем копоти и свежей фиолетовой краской церковной маркировки.

— Магнитный крюк, сейчас! — крикнула в ухо Ника.

Вероника вскинула левую руку. Из наруча с резким свистом вылетел тончайший трос из жидкокристаллического полимера. Программируемый наконечник с тихим щелчком намертво обвил стальное крыло орла. Воздух свистнул в ушах. Вероника прыгнула в пустоту.

Секунда свободного падения над бездной, где внизу, на уровне земли Чистилища, копошились миллионы людей, даже не подозревающих о существовании звёзд. Сила натяжения троса подбросила её вверх. На пике дуги Вероника отпустила зажим. Умный гель внутри комбинезона мгновенно стал жёстче, перегруппировывая нагрузку на суставы, когда она сгруппировалась и выполнила безупречный ролл на технической террасе «Крайслера». Стальные плиты глухо отозвались на приземление.

— Чисто, — выдохнула Вероника, прижимаясь к зеркальной стене. — Я у пентхауса еретика.

— Красиво зашла, — заметил Лукас в канале с ноткой искреннего восхищения. — Я бы там просто проломил стекло.

— Поэтому у тебя маршруты и заканчиваются протоколами о повреждении имущества, — отозвалась Ника, не отрываясь от экранов.

Вероника скользнула к массивному панорамному окну семьдесят первого этажа. За стеклом, в роскошных интерьерах, отделанных тёмным деревом и хромом, горел мягкий свет. Прямо по центру комнаты возвышалась огромная, в человеческий рост, Икона-голограмма «Ока Господня». Тонкие лазерные лучи из центрального объектива-креста медленно сканировали пустую комнату, проверяя её на предмет скверны.

Хозяина дома не было — его как раз «задержали» на обязательной ночной литургии в Соборе Святого Патрика по наводке Кристиана.

Вероника приложила ладонь к стеклу. Перчатки «Геккон» пустили слабый импульс, временно ослепляя датчики давления на раме. Ника на том конце провода уже вбивала код обхода церковной подсети.

— Замок отключён. У тебя три минуты до того, как нейросеть заметит потерю пакета данных в этом секторе, — поторопила сестра.

Вероника мягко сдвинула створку окна и шагнула внутрь. Воздух здесь был совсем другим — тёплым, кондиционированным, пахнувшим дорогим табаком и ладаном. Настоящая роскошь Верхнего города. На рабочем столе из полированного мрамора лежал тяжёлый планшет из белой керамики — личный архив чиновника, где хранились незадекларированные цифровые бланки ордеров. Доказательства ереси и сребролюбия.

Она быстро скачала данные через порт на браслете «Стигмат». На экране очков побежали строчки кода.

— Ника, файлы у меня, — Вероника уже разворачивалась к окну, как вдруг её взгляд зацепился за странную деталь на столе.

Рядом с мраморной чернильницей лежала небольшая пластиковая капсула с бесцветной жидкостью и логотипом Ордена Испытателей, а рядом — распечатанный бланк подозрения в ереси. Графа даты пустовала — сухой прочерк. Подпись внизу, оставленная цифровым стилусом, принадлежала не чиновнику. Там горел личный идентификатор Кристиана.

Вероника замерла. Секунду, две. Смотрела на капсулу так, будто та могла объяснить сама себя.

— Вероника, что там? Пульс скачет, — насторожилась Ника.

— Ничего, — соврала Вероника слишком быстро, и сама это услышала. — Показалось.

Она не хотела произносить вслух то, что только что увидела. Не хотела, чтобы это стало реальным раньше времени. Кристиан готовил дело против человека, который ещё даже не совершил своего преступления. Это не укладывалось ни в один протокол Ордена, который она знала.

— Вероника, уходи! «Херувим» возвращается, лазер наводится на твой сектор! — закричала Ника, заметив изменение на тепловой карте.

— Приняла, ухожу, — Вероника тряхнула цепенеющей от внезапной догадки головой, схватила капсулу и рванулась обратно к окну, навстречу холодному ветру и неоновому сиянию Нью-Йорка.

— Северный выход держу открытым, — отозвался Лукас. — Давай быстрее, красавица, а то опоздаешь на десятину.

Она не ответила. Пальцы, сжимающие холодную капсулу, дрожали — не от высоты, не от адреналина погони. От того, что первая трещина в её идеальном мире только что легла на экран тактических очков, и убрать её обратно было уже нельзя.

Глава 2. Десятина для Бога

Собор Святого Патрика не был похож ни на что, что помнили старые фотографии Нью-Йорка. Готические шпили девятнадцатого века, потемневшие от времени, теперь торчали из основания циклопической башни в сто пятьдесят этажей, обшитой чёрным зеркальным стеклом — будто древний скелет проглотили и заковали в новую, глянцевую кожу. На закате отражённое в фасаде солнце превращало здание в столб расплавленного металла, видимый с любой точки острова. Ночью оно становилось чёрной дырой, обведённой по контуру фиолетовыми линиями неона, — единственный ориентир, по которому можно было понять, что здесь заканчивается небо и начинается земля.

Вероника вошла не через парадный неф, а через технический шлюз для наёмников — узкую дверь в цокольном ярусе, замаскированную под облицовку из искусственного мрамора. Здесь, вдалеке от туристических камер и парадного благочестия, пахло машинным маслом и озоном. Дежурный священник-инженер, не поднимая глаз от планшета, махнул рукой в сторону сканера. Она приложила запястье. Браслет «Стигмат» тонко пискнул, считывая её статус, и зелёный огонёк над дверью сменился на голубой — сигнал допуска.

Лифт для персонала Ордена шёл беззвучно, но Вероника всё равно чувствовала, как проседает пол под ногами при разгоне — с каждым этажом здание словно давило её к полу собственной святостью. На тридцать первом её встретил не парадный зал, а серая, утилитарная зона Подпрестоля: голые бетонные стены, ряды мониторов, запах растворимого церковного кофе, который варили здесь литрами, потому что настоящий полагался только выше пятидесятого этажа.

— Явилась, — Ника не обернулась от своего рабочего места, продолжая гонять пальцами по сенсорной панели. — Полчаса как должна была отчитаться.

— Задержалась. Было на что посмотреть, — Вероника стянула капюшон и упала в кресло рядом с сестрой, не скрывая, как гудят мышцы после спринта по крышам.

Ника наконец развернулась к ней — и тут же нахмурилась, увидев кровоподтёк, расплывшийся под левой ключицей Вероники сквозь разошедшийся шов комбинезона.

— Об орла зацепилась, — коротко пояснила Вероника. — Ничего, до свадьбы заживёт.

— До свадьбы у тебя будет заражение, если сейчас не обработать, — Ника уже доставала из ящика аптечку, знакомым, отработанным движением расстёгивая молнию на плече сестры. Пальцы у неё были тонкими, но твёрдыми — руки человека, который привык работать быстро и не глядя, полагаясь на память тела, а не на зрение. — Сиди спокойно.

Регенерирующий гель охлаждал кожу, стягивая края раны едва заметным покалыванием. Вероника поморщилась, но не отстранилась. За те несколько минут, что сестра возилась с её плечом, обе молчали — привычное, не тяготящее молчание людей, которые слишком хорошо знают друг друга, чтобы заполнять паузы разговором из вежливости.

До аудиенции оставался час, и обе, не сговариваясь, спустились на два яруса ниже — туда, где начинался жилой сектор Подпрестоля, в тесную квартирку на семнадцатом этаже, которую они делили с тех пор, как Орден выделил им отдельное жильё. Здесь, за пределами координационного центра, можно было хотя бы на несколько минут перестать быть наёмницей и координатором.

Где-то за стеной, тонкой, как папиросная бумага, знакомо заворочался старик Ковальски — сосед с шестнадцатого этажа, поднимавшийся мимо их двери каждый вечер по обходной лестнице, потому что лифт давно не работал выше пятидесятого яруса Подпрестоля. На плитке доваривалась вечерняя порция протеиновой пасты с синтетическим томатным вкусом — единственное, что укладывалось в энергокарту координатора; настоящие овощи с подвесных ферм Верхнего города стоили дороже недельной зарплаты обеих сестёр. Ника так и

осталась в растянутом домашнем свитере, который донашивала за Вероникой, — форменную куртку она сбрасывала у порога при первой возможности: казалось, вместе с тканью она снимает с себя весь прожитый день.

— Файлы отправила Куратору напрямую, — сказала наконец Ника, заклеивая рану пластырем с логотипом Ордена. — Через час у тебя аудиенция для отчёта. Он в настроении — утром одобрил премию за прошлую неделю.

— Значит, повезло, — Вероника потянулась, поймала себя на том, что рука снова тянется к внутреннему карману комбинезона, где лежала капсула с чиновничьего стола. Остановила движение на полпути, будто испугавшись, что сестра заметит.

Но Ника уже смотрела в другую сторону — на экран, где бежала строка загрузки украденных данных.

— Родители писали сегодня, — произнесла она вдруг, без перехода, тем нарочито ровным тоном, каким обычно говорят о вещах, которые ранят. — Через церковную почту, конечно, обычную им запрещено. Отец пишет, что задолжали ростовщику в Подпрестолье ещё пятьдесят Индугенций сверху — за отопление барака в Чистилище.

Вероника замерла.

— Мы же в прошлом месяце всё закрыли.

— Проценты, — Ника пожала плечами так, будто это было очевидно и не стоило удивления. — Долг растёт быстрее, чем мы успеваем его гасить. Церковь удобно всё устроила: сослала их вниз за неуплату налога на гнев — отец, видите ли, повысил голос на инспектора — а теперь одалживает им деньги под процент, чтобы выжить там же, внизу, куда сама их и отправила.

— Я поговорю с Куратором. Попрошу увеличить долю с сегодняшнего дела.

— Не надо, — резко ответила Ника, и в этом «не надо» было больше, чем простое возражение. — Не хочу, чтобы он решил, что нам нужна милостыня. Мы обе прекрасно работаем. Пусть платит по-честному, без одолжений.

Вероника не стала спорить. Она знала эту черту в сестре — младшая ненавидела выглядеть слабой перед кем бы то ни было, особенно перед теми, кто держал в руках их семью за горло.

Орден нашёл их не случайно. Вербовщики Церкви обходят бараки Чистилища каждую осень, отбирая тех, чьи тела ещё можно вылепить под службу, — и четырнадцатилетняя Вероника, гонявшая по ржавым пожарным лестницам быстрее местных мальчишек, попала в списки в первый же день смотра. Она выторговала у вербовщика единственное условие: младшую сестру берут вместе с ней, координатором, а не оставляют внизу, в Чистилище, одну. Три года обеих натаскивал в тренировочном зале Подпрестолья старый наставник по прозвищу Хоук — бывший Искупитель, переставший прыгать после травмы колена, но не переставший орать с края мата, что нельзя приземляться на пятку. Он вбил в Веронику флоу-стиль — умение тратить чужую высоту так, будто она твоя собственная, — а в Нику совсем другую науку: как за две секунды прочесть маршрут по камере патрульного дрона и не ошибиться.

— Кстати, — Ника вдруг чуть оживилась, меняя тему тем резким движением, каким люди уходят от неприятного разговора, — завтра у меня совместная тренировка с Лукасом. Он хочет отработать со мной синхронный заход через вентиляционные шахты — говорит, координатор должен уметь двигаться сам, а не только смотреть глазами других.

— С каких пор Лукас даёт уроки паркура? — Вероника приподняла бровь, впервые за разговор позволив себе усмешку. — Он же вышибает двери, а не крадёт бесшумно.

— Именно поэтому и учит меня противоположному, — фыркнула Ника. — Говорит, если я хоть раз окажусь наверху без вас двоих, лучше пусть я буду уметь не только сидеть у монитора.

— Разумно, — Вероника кивнула, и что-то тёплое, почти забытое за последние часы шевельнулось в груди. Команда. Не просто она и Кристиан, не просто она и сестра — вся чет-

вёрка целиком, пусть даже Лукас появлялся в разговорах чаще, чем во плоти. — Он неплохой парень. Грубоват, но за спину такого поставить не страшно.

— Хм, — неопределённо протянула Ника, но не стала развивать мысль.

Часы на стене отсчитывали минуты до аудиенции. Вероника поднялась, поморщившись — плечо ещё тянуло, несмотря на гель, — и направилась к лифту, ведущему наверх, в парадные ярусы Собора, туда, где воздух был другим — чище, теплее, дороже.

Кабинет Куратора занимал угол сорок девятого этажа — последнего перед резким переходом в архитектуру настоящего Верхнего города. Стены здесь были уже не бетонными, а облицованными панелями тёмного дерева, привезённого, если верить легенде, ещё из старой, довоенной Европы. Огромное окно выходило на панораму города, затянутую фиолетовой дымкой смога, и крест «Ока Господня», венчающий шпиль этажами выше, отбрасывал сквозь стекло рваные тени на паркет.

Отец Малахия поднялся ей навстречу из-за стола — высокий, худощавый, с аристократической сединой, зачёсанной строго назад, в кардинальском сюртуке с неоновой фиолетовой окантовкой по воротнику и обшлагам. Даже здесь, наедине с одной из своих наёмниц, он двигался с отточенной, почти театральной грацией человека, привыкшего, что за каждым его жестом наблюдают невидимые камеры Ока.

— Вероника, дитя моё, — произнёс он тем мягким, вкрадчивым голосом, каким обычно говорят люди, давно переставшие удивляться человеческим слабостям и научившиеся извлекать из них выгоду. — Ваши файлы уже у меня. Чистая работа. Департамент Искупления будет доволен.

— Служу Ордену, — коротко ответила Вероника, останавливаясь на положенном расстоянии от стола — привычка, вбитая годами тренировок.

— Присаживайтесь, — Малахия указал на кресло напротив, сам же остался стоять у окна, глядя на город с той спокойной отстранённостью, с какой смотрят на витрину чужого магазина. — Знаете, что меня всегда восхищало в вашей семье, Вероника? Вы обе — и вы, и ваша сестра — работаете не за страх, а за что-то большее. За веру в порядок вещей. Это редкость в наше время.

— Мы работаем за Индульгенции, Отец Малахия, — Вероника позволила себе лёгкую, почти дерзкую улыбку. — Как и все.

Куратор рассмеялся — коротким, сухим смешком, не достигавшим глаз.

— Циничная девочка. Мне это нравится больше, чем фальшивое благочестие, которым нас окружают наверху, — он наконец обернулся, и в его взгляде мелькнуло что-то оценивающее — он словно взвешивал, сколько ещё правды можно позволить себе произнести вслух. — Ваша доля — сто двадцать Индульгенций, плюс премия за скорость исполнения. Уже переведено на счёт.

Браслет на запястье Вероники откликнулся коротким импульсом тепла — подтверждение зачисления.

— Благодарю, Отец.

— Как продвигаются дела с чиновником? — Малахия вернулся за стол, сцепив пальцы в замок. — Департамент интересуется, когда именно ожидать официального ареста.

Вероника на мгновение замялась. Капсула лежала во внутреннем кармане, и сейчас, глядя на спокойное, чуть уставшее от собственной власти лицо Куратора, она вдруг остро осознала, что не готова говорить о найденном. Не потому, что боялась Малахии — потому что ещё не была готова признать вслух то, что увидела на мраморном столе пентхауса.

— Файлы у Департамента, дальше решать не мне, — ответила она нейтрально. — Моя часть работы закончена.

— Разумеется, — Малахия кивнул, точно и не ждал другого ответа, и на секунду в его взгляде промелькнуло что-то похожее на одобрение — так смотрят на инструмент, который

исправно делает своё дело и не задаёт лишних вопросов. — Кристиан просил передать, что ждёт вас сегодня вечером. У него для вас, кажется, какие-то планы, не связанные с работой.

При имени Кристиана что-то тёплое и одновременно тревожное шевельнулось в груди Вероники — привычное чувство, которое она давно перестала анализировать, просто позволяя ему быть.

— Передайте, что я приду, — сказала она, поднимаясь.

— Непременно, дитя моё, — Малахия снова отвернулся к окну, давая понять, что аудиенция закончена. — Идите. Город не заснёт сам по себе, а грехи не начислят себя автоматически без вашей помощи.

Вероника вышла из кабинета, и тяжёлая дубовая дверь беззвучно закрылась за её спиной. В коридоре, отделанном тем же тёмным деревом, было тихо — только фиолетовый свет неоновых крестов пульсировал в такт далёкому гулу шпиля, обрабатывающего очередную порцию биометрии верующих где-то этажами выше.

Она достала капсулу из кармана, повертела в пальцах. Бесцветная жидкость внутри лениво плеснулась о стенки, поймав отсвет неона.

Что бы это ни было, что бы ни значила та подпись на бланке без даты — Кристиан заслуживал шанса объяснить. Вероника в этом не сомневалась. Не могла сомневаться. Слишком много лет она строила свою веру не только в Церковь, но и в него — а фундамент такой веры не рухнет от одной случайно увиденной капсулы на чужом столе.

Она убрала находку обратно в карман и направилась к лифту, туда, где вечером её ждал человек, чьё лицо она знала лучше собственного отражения.

Глава 3. Стрела Ордена

Вечерняя трапезная для наёмников Ордена располагалась на пятьдесят пятом этаже — на границе миров, где бетон Подпрестоля ещё не до конца уступил место мрамору Верхнего города. Стены здесь были облицованы светлым травертином, но потолок оставался низким, промышленным, с открытыми вентиляционными коробами — архитектурный компромисс для людей, которые зарабатывали Церкви деньги, но формально ещё не заслужили роскоши тех, кто сидел выше.

Вероника сидела за угловым столиком, вертя в пальцах пустой стакан из-под электролитного напитка, когда двери в дальнем конце зала разъехались с тихим пневматическим шипением.

На стене над раздачей мерцало электронное меню трапезной — стандартный синтетический рацион для наёмников, но отдельной строкой значилось «блюдо дня»: рёбрышки настоящей, не синтетической свинины, редкость, которую завозили раз в неделю с закрытых церковных ферм. Цена состояла из двух чисел: стоимость самого блюда и мелким шрифтом ниже — «плюс 15 Индულгенций, налог Чревоугодия». Никто за соседними столиками не обсуждал эту строчку — рёбрышки брали так же спокойно, как хлеб, будто штраф был просто ещё одной приправой, включённой в счёт.

Разговоры за соседними столами не смолкли — здесь такого не позволяли себе даже самые дерзкие, — но стали заметно тише, а взгляды, точно по команде, потянулись в одну сторону.

Кристиан вошёл так, как входил всегда: неторопливо, без лишних жестов, но с той особой манерой держать спину и подбородок, которая заставляла людей расступаться, даже когда физически он никого не задевал. Дорогой костюм-тройка сидел на нём безупречно — единственная деталь, которая с первого взгляда выдавала лучшего наёмника Ордена среди рабочей формы остальных. Зеркальная маска Искупителя, которую он носил на заданиях, сейчас пряталась где-то под пиджаком, но само присутствие человека, способного её надеть, ощущалось в воздухе, как электрический разряд перед грозой.

Двадцать четыре года, но держался он с уверенностью человека вдвое старше. Светлые, почти пепельные волосы зачёсаны назад без единого сбившегося волоска, холодные серые глаза — не высокомерные, а вечно, неутомимо оценивающие всё, что попадает в поле зрения. Улыбка у него была широкой и щедрой, но никогда не поднималась выше скул.

— Вероника, — произнёс он, подходя к столику, и в этом коротком слове прозвучало столько тепла, что даже привычная ко всему трапезная будто стала на пару градусов уютнее. — Малахия сказал, ты сегодня отработала пентхаус чиновника за рекордное время.

— Двадцать две минуты от входа до выхода, — Вероника позволила себе улыбнуться, откидываясь на спинку стула. — Могла бы и быстрее, но орёл на фасаде оказался скользким.

— Орёл, — Кристиан хмыкнул, усаживаясь напротив без приглашения — привилегия, которую в этом зале имел он один. — Классика. «Крайслер» вообще любит подбрасывать сюрпризы тем, кто его недооценивает. Здание строил ван Ален — знаешь эту историю? Он тайно, по частям, поднимал внутри шпиля стальную корону, пока конкурент через дорогу думал, что уже выиграл гонку за звание самого высокого небоскрёба города. А потом — раз, и в один день собрал всё наверху, у всех на глазах. Обошёл соперника на тридцать восемь метров за несколько часов.

— Церковный кураторам стоило бы у него поучиться скрытности, — заметила Вероника. — А то каждое наше задание Департамент обсуждает так, будто оно уже не тайна ни для кого в радиусе десяти кварталов.

— Именно поэтому я здесь не только чтобы поговорить о старых зданиях, — Кристиан чуть подался вперёд, понижая голос, хотя в общем шуме зала их и так вряд ли кто-то мог слышать. — У меня контракт. Крупный. Департамент финансов лично просил меня подобрать исполнителя — и я подумал о тебе в первую очередь.

— Польщена, — Вероника склонила голову набок. — Что за цель?

— Не здесь, — Кристиан качнул головой в сторону соседних столиков, за которыми сидели такие же наёмники, у каждого из которых были свои уши и свои интересы. — Расскажу вечером. У меня терраса на восьмидесятом свободна, вид оттуда куда лучше, чем эти вентиляционные короба над головой.

Ника появилась в трапезной минут через десять после начала разговора — не потому, что задержалась, а потому что рассчитала это время намеренно, ровно настолько, чтобы не выглядеть так, словно примчалась сюда специально ради того, чтобы увидеть Кристиана.

Она уселась за тот же столик без приглашения, с подносом, на котором стояла миска синтетической овсянки — единственное, что позволял себе бюджет координатора вне рабочих премий.

Девятнадцать лет, но выглядела она младше — узкие плечи, жилистые руки без грамма лишнего, коротко стриженные тёмные волосы, вечно взлохмаченные, будто их и не пытались укладывать. У ворота форменной куртки, там, где расходилась ткань, виднелась татуировка-штрихкод семьи — метка трущоб, которую она не скрывала, хотя могла бы. Одевалась тёмно и практично: узкие брюки с карманами под инструменты, куртка без единого лишнего шва — ничего, что могло бы зацепиться при резком движении.

— О, младшая тоже здесь, — Кристиан развернулся к ней с той же лёгкой, широкой улыбкой, которой одаривал всех подряд, но Нике всегда казалось, что в её сторону эта улыбка становится чуть теплее, чуть внимательнее. Она тут же одёрнула себя за эту мысль — привычным, отработанным движением, каким обычно прогоняют назойливую муху. — Как раз хотел спросить: не ты ли сегодня подкидывала данные о выключенном освещении в третьем секторе Крайслера? Департамент безопасности потом два часа разбирался, что за скачок напряжения.

— Понятия не имею, о чём вы, — Ника пожала плечами с деланным равнодушием, зачерпывая ложку овсянки. — Может, у вашего Департамента просто старая проводка.

— Может быть, — Кристиан рассмеялся, откидываясь на спинку стула. — Знаешь, Вероника, твоя сестра с каждым месяцем становится опаснее. Скоро мне придётся начать бояться собственного координатора.

— Её давно пора начать бояться, — Вероника бросила на сестру короткий, тёплый взгляд. — Она обходит все церковные протоколы быстрее, чем их успевают написать.

— Просто у меня хорошая память на числа, — буркнула Ника, упорно глядя в тарелку. — В отличие от некоторых, кто предпочитает решать проблемы броском через стекло.

— Броском через стекло проблемы решаются надёжнее, — вставил густой, добродушный голос сбоку — Лукас подтащил свободный стул от соседнего столика и уселся между Вероникой и Никой без малейшего смущения, точно был здесь всегда. Крупный, с широкими плечами, в яркой куртке, разрисованной неоновым граффити поверх стандартного техвира Ордена, он выделялся в этой сдержанной трапезной, как костёр среди свечей.

Под курткой — простое, грубое лицо: нос, судя по виду, ломанный не раз и неаккуратно сросшийся, короткая тёмная щетина — не стиль, а лень бриться, — и глаза, слишком добрые для человека, зарабатывающего на жизнь тем, что вышибает двери.

— Стекло хотя бы не жалуется, когда его ломают. В отличие от замков, которые твой хитрый код взламывает по десять минут.

— Мой код взламывает замки за сорок секунд, — обиженно возразила Ника. — Просто я не рискую здоровьем всей команды ради того, чтобы покрасоваться.

— А кто здесь рискует? — Лукас невинно захлопал глазами, подцепляя с подноса Вероники оставшийся кусок протеинового батончика без спроса. — Я просто эффективен. Дверь мешает — двери больше нет. Логично же.

— Логика Лукаса, — заметил Кристиан с усмешкой, — состоит из одного правила: если проблему можно решить силой, значит, это была проблема силы, а не хитрости.

— Работает же, — Лукас пожал плечами, ничуть не задетый. — Пока я живой и на свободе — работает.

За столом повисло короткое, лёгкое молчание — не тяжёлое, а то самое, что бывает у людей, которые давно привыкли друг к другу и которым не обязательно постоянно заполнять паузы словами. Вероника смотрела на всех троих — на сестру, упрямо ковыряющуюся в остывающей овсянке, на Лукаса, деловито проверяющего, не осталось ли ещё чьей-нибудь еды без присмотра, на Кристиана, спокойно наблюдающего за этой возней с выражением человека, довольного тем, что происходит перед ним, — и что-то тёплое, почти забытое за последние сутки, снова шевельнулось в груди. Вот она, её команда. Полный состав.

— Кстати, о завтра, — вспомнила вдруг Ника, повернувшись к Лукасу. — Тренировка по вентиляционным шахтам ещё в силе?

— Само собой, — кивнул тот. — В семь утра, пока патрули Ока сонные и невнимательные. Обещаю не ломать ни одной решётки — честное слово.

— Верю с трудом, — фыркнула Ника, но уголок её губ дрогнул в первой за вечер настоящей улыбке.

Терраса пентхауса на восьмидесятом этаже встретила Веронику прохладным ветром и панорамой, от которой захватывало дыхание даже у человека, привыкшего балансировать на карнизах небоскрёбов. Отсюда, с высоты Цитадели Кристиана, облака внизу казались не препятствием, а декорацией — плотной, клубящейся пеленой, скрывающей всё, что происходило на уровне земли, — нищета и грязь Чистилища словно принадлежали какому-то другому, менее важному миру.

Кристиан стоял у перил, повернувшись к ней спиной, силуэт чётко вырисовывался на фоне фиолетового зарева далёкого шпиля Собора.

— Так что за контракт? — спросила Вероника, подходя и облокачиваясь на перила рядом с ним.

— Синдикат в Бруклине, — Кристиан не обернулся, продолжая смотреть на город. — Хранят архив данных, компрометирующий несколько влиятельных семей Верхнего города. Департамент хочет получить эти файлы раньше, чем ими воспользуется кто-то другой.

— Звучит как работа для троих, — заметила Вероника. — Одиночная кража — да. Взлом целого архива синдиката — нет.

— Именно поэтому я хочу взять с собой всю команду, — Кристиан наконец повернулся к ней, и в вечернем свете его лицо казалось особенно спокойным, почти умиротворённым — маска человека, привыкшего скрывать любые сомнения задолго до того, как они успевали отразиться в чертах. — Тебя, меня и Лукаса — он там будет незаменим, судя по описанию охранной системы. Твоя сестра останется координатором на связи, как обычно.

— Ника расстроится, что снова не в поле, — Вероника чуть улыбнулась. — Она в последнее время рвётся наружу всё чаще.

— Ей ещё рано, — в голосе Кристиана впервые за вечер прозвучали жёсткие нотки, не терпящие возражений. — У неё блестящая голова для координации, но ей не хватает полевого опыта, а я не собираюсь рисковать ничьей жизнью ради того, чтобы потешить чьё-то самолюбие. Пусть сидит у мониторов, пока не будет готова по-настоящему.

Вероника промолчала, хотя что-то в этой резкости зацепило её — не сама позиция, разумная сама по себе, а то, с какой лёгкостью Кристиан произносил решения, касающиеся чужих судеб, — так, точно имел на это безусловное право.

— Когда выходим? — спросила она вместо возражения.

— Через два дня. Дам вводные завтра, — Кристиан снова повернулся к перилам, и жёсткость в его голосе тут же растворилась, уступив место прежней мягкости. — А сейчас, — он протянул руку, раскрыв ладонь, — забудь на вечер про архивы и контракты.

Вероника вложила свою руку в его, и на секунду весь город внизу — с его дронами, штрафами за грехи и голодными трущобами под облаками — перестал существовать вовсе.

Она не думала в этот момент ни о найденной капсуле, ни о подписи на бланке без даты, всё ещё лежавших мёртвым грузом во внутреннем кармане её комбинезона, брошенного на кресло где-то в казармах.

Не сегодня. Сегодня был вечер, когда хотелось просто верить.

Глава 4. Закон и Милость

Улицы Подпрестолья в это утро текли вверх, к площади, тем же ручьями, что и каждое воскресенье. Клерки в форменных плащах цвета мокрого асфальта — единственном цвете, который Церковь не облагала налогом Тщеславия, — жались к перилам пешеходных эстакад, пропуская вперёд магнитные подвесные капсулы для тех, кто мог позволить себе билет выше общей очереди. Женщины повязывали голову плотными платками не по моде, а по необходимости — смог здесь садился на волосы жирной плёнкой, — и почти у каждой на запястье виднелся простой, без единого камня, «Стигмат» младшего класса, куда скромнее золочёных браслетов духовенства. Мужчины постарше тарахтели на служебных электросамокатах проката, молодёжь бежала напрямик через дворы: билет на подвесную капсулу стоил дороже воскресного обеда.

Воскресное утро в Верхнем городе начиналось не с рассвета — тот тонул где-то за плотной пеленой смога, — а с колокольного звона, синтезированного нейросетью «Ока Господня» и разлетавшегося по громкоговорителям, вмонтированным в каждый шпиль от Бэттери-парка до Гарлема. Звук был безупречным, вычищенным от малейшей фальши старых бронзовых колоколов, — и именно поэтому казался Веронике, стоявшей плечом к плечу с сестрой в толпе на площади перед Собором, немного пустым, как хорошая подделка дорогой вещи.

Площадь перед Святым Патриком была спроектирована так, чтобы внушать трепет ещё на подходе. Готический фасад девятнадцатого века — тот самый, что помнили старые фотографии, — теперь выступал лишь порталом, тонкой резной оправой у подножия исполинской чёрной башни, вздымающейся на сто пятьдесят этажей выше. Контраст бил по глазам сильнее любой проповеди: замшелый камень, испещрённый готическими розетками и фигурами святых, резко переходил в глухую, зеркальную гладь современного стекла — древность здесь словно сохранили нетронутой лишь затем, чтобы показать, насколько убедительнее выглядит новая власть на её фоне.

По периметру площади, вживлённые в брусчатку, тянулись ряды сенсорных плит — сканеров паствы. Каждый шаг прихожанина здесь фиксировался, взвешивался, сверялся с базой данных.

— Опять эта старая брусчатка холодит через подошву, — тихо пожаловалась Ника, поправляя воротник форменного плаща координатора. — Каждое воскресенье одно и то же.

— Зато не жалуется на нас Оку, — так же тихо отозвалась Вероника, не поворачивая головы. — В отличие от людей вокруг.

Толпа перед ними — тысячи горожан Верхнего города и допущенных на службу представителей Подпрестолья — стояла ровными рядами, обращённая лицами к массивным парадным дверям. Все молчали с той особой тщательностью, с какой молчат люди, точно знающие, что их мимику в эту секунду сканируют десятки объективов, вмонтированных в фонарные столбы, витрины и сами стены домов.

Патриарх появился на балконе над порталом ровно в назначенную минуту — невысокая фигура в белом облачении, усиленная многократно проекционными экранами, парящими над площадью так, чтобы каждый в задних рядах видел его лицо крупным планом, будто стоял в первом ряду.

— Возлюбленные дети мои, — голос, усиленный и обработанный так, что казался одновременно интимным и всеобъемлющим, разлился над площадью, — сегодня мы говорим о Священном Порядке.

Вероника слушала вполуха — эти проповеди она слышала сотни раз, и слова давно слились в привычный, убаюкивающий фон, вроде шума ветра между небоскрёбами. Патриарх говорил о том, как милосерден закон, наказывающий грех прежде, чем тот успеет разрастись во

зло; о том, как Око Господне бережёт каждого гражданина от собственных слабостей, подобно заботливому родителю, останавливающему ребёнка перед краем пропасти.

— Церковь не карает, — вещал голос над площадью. — Церковь предупреждает. Всякий штраф — это акт любви, а не наказания...

— Двадцать пять лет назад, — продолжал голос над площадью, теплея той бархатной, отпетитированной теплотой, с какой Патриарх всегда переходил к любимой части проповеди, — этот город тонул не в смоге, а в хаосе. Светская власть, связанная по рукам собственными законами, не смела остановить беспорядки, захлестнувшие границы и площади. Она предпочла закону — милосердие к разрушителям, а не к разрушенным. И тогда поднялся Священный Престол — не мечом захватчика, а рукой отца, взявшего непослушное дитя за плечи прежде, чем оно шагнуло в пропасть. Мы не завоевали Америку, дети мои. Мы удержали её на краю.

Толпа отозвалась привычным шёпотным «аминь».

Ника едва заметно скривила уголок рта — жест настолько мимолётный, что ни одна камера не смогла бы его классифицировать как «уныние» или «сомнение», но Вероника, стоявшая рядом всю жизнь, прочитала его без труда.

— Не криви лицо, — одними губами шепнула она сестре. — Датчики близко.

Ника тут же расправила черты, вернув себе безукоризненно нейтральное выражение прихожанки, впитывающей слово Патриарха.

Именно в этот момент, у самого края площади, там, где толпа редела и переходила в очередь ожидающих причастия у боковых дверей, произошло движение, на которое обратили внимание не сразу — а когда обратили, было уже поздно.

Молодая пара — парень в потрёпанной, но опрятной куртке клерка Подпрестолья и девушка в длинном форменном платье младшего церковного персонала — стояли чуть в стороне от основного потока, у подножия одной из старых готических колонн, всё ещё хранившей резьбу столетней давности. Они, видимо, думали, что колонна прикрывает их от прямой видимости, — недооценка, которую совершали многие, не понимавшие, что сканеры площади не нуждаются в прямой линии обзора: они читали пульс, температуру кожи и микродвижения через десятки перекрёстных источников одновременно.

Парень взял девушку за руку. Мгновение спустя — то ли от волнения, то ли просто от нежности, накопленной за неделю разлуки, — притянул её ближе и обнял, зарывшись лицом в её плечо. Объятие длилось не больше нескольких секунд — короткое, почти целомудренное, из тех, что в старом мире не заметил бы никто.

Гул органного сигнала прорезал воздух — низкий, вибрирующий тон, от которого у стоявших рядом невольно дёрнулись плечи.

Из ниши между двумя горгульями на фасаде бесшумно выплыл дрон-херувим — белая керамическая сфера, тепловизор которой уже развернулся в сторону пары, а багровый лазерный сканер прочертил по их одежде короткую вспышку, будто ставя невидимую печать.

— Грех Блуда зафиксирован, — произнёс механический голос, лишённый всякой интонации, разнёсшийся над ближайшими рядами толпы, но не над всей площадью — система была устроена так, чтобы наказание касалось только уличённых, оставляя остальных зрителями, но не соучастниками унижения. — Штраф: пятьдесят Индульгенций. Публичное предупреждение зафиксировано в личном деле.

Девушка вздрогнула, инстинктивно отпрянув от парня, будто сама его близость стала опасной. На её запястье коротко вспыхнул браслет-«обруч» — упрощённая модель, положенная клеркам среднего яруса, — синим светом, подтверждающим списание. Парень стоял неподвижно, опустив голову, с лицом человека, давно смирившегося с тем, что оправдываться бессмысленно.

Дрон издал короткую, пронзительную сирену — не оглушительную, но достаточную, чтобы на секунду привлечь внимание ближайших рядов, — и медленно, нарочито неторопливо, проплыл дальше вдоль колонн, продолжая патрулирование.

И — ничего не произошло.

Толпа не ахнула. Никто не обернулся. Стоявшие в паре метров прихожане продолжали смотреть на балкон, где голос Патриарха всё так же лился над площадью, ни на секунду не прервавшись, будто механическая сирена была частью общей литургии, таким же привычным звуком, как колокольный звон или гул проходящего магнитного экспресса. Девушка молча вытерла глаза тыльной стороной ладони и снова выпрямилась, придав лицу то самое нейтральное, отрешенное выражение, которое требовалось от каждого на этой площади.

Вероника смотрела на эту сцену краем глаза, стараясь не задерживать взгляд слишком долго, — ещё одна привычка, вбитая годами жизни под постоянным наблюдением. Но что-то внутри неё в этот раз не отпускало картинку так легко, как обычно.

— Видала? — тихо, почти беззвучно спросила Ника, чуть склонившись к сестре.

— Видала, — так же тихо ответила Вероника. — Это же обычное дело.

— Обычное, — эхом повторила Ника, и в её голосе прозвучало что-то, чего Вероника не смогла сразу распознать — не возмущение, не страх, а какая-то холодная, аналитическая констатация факта: младшая сестра впервые взвешивала происходящее не как привычную деталь пейзажа, а как отдельное, вычлененное из общего шума событие.

У бокового придела, где начиналась очередь на утреннее причастие, тянулась вторая, менее заметная очередь — к автоматической исповедальной кабинке для «текущих взносов». Сюда подходили по одному, прикладывали браслет к сканеру, и негромкий механический голос зачитывал накопившийся за неделю список: гнев на диспетчера, зависть к премии соседа по этажу, два случая чревоугодия в трапезной. Люди слушали перечень собственных грехов с тем же скучающим терпением, с каким слушают показания счётчика за электричество, расплачивались и шли дальше — к причастию, перешагнув минутную неловкость, как через лужу после дождя.

Вероника покосилась на неё, но не успела ничего сказать — голос Патриарха над площадью сменил тон, набирая торжественности к завершению проповеди.

— Помните, дети мои: Церковь карает лишь тех, кто сеет хаос в Священном Порядке. Тех же, кто идёт путём смирения и труда, ждёт вечное процветание под сенью Ока Господня.

Толпа отозвалась негромким, синхронным гулом одобрения — не бурными аплодисментами, которые Церковь считала недостаточно смиренным проявлением эмоций, а тихим «аминь», прокатившимся по рядам волной.

После службы, когда толпа начала растекаться по прилегающим улицам и мостам, ведущим в разные ярусы города, Вероника и Ника задержались у подножия одной из старых готических колонн — той самой, у которой минуту назад разыгралась короткая, безмолвная драма пары клерков.

— Знаешь, что меня цепляет? — Ника разглядывала выщербленный узор в основании колонны, будто искала там ответ. — Не сам штраф. А то, что никто даже не обернулся. Словно так было всегда, и по-другому просто не бывает.

— По-другому и не бывает, — Вероника пожала плечами, хотя в её собственном голосе не хватало прежней уверенности. — Мир такой, какой есть, Ника. Мы не философы, мы наёмники Ордена.

— Наёмники, которые ловят взяточников и покрывают их же грехи премией, — тихо заметила Ника, и в этой фразе, брошенной без злобы, скорее с усталой, будничной иронией, Вероника впервые за долгое время услышала что-то похожее на сомнение, прежде не свойственное младшей сестре.

— Что с тобой сегодня? — Вероника повернулась к ней в упор.

— Ничего, — Ника мотнула головой, отгоняя мысль. — Просто длинная неделя. Идём, нас ждёт Куратор с новым списком заданий.

Они направились через площадь к техническому шлюзу, ведущему в цокольный ярус Собора, минуя ряды сенсорных плит, послушно фиксирующих их шаги. Позади, у колонны, дрон-херувим завершал очередной облёт периметра, а над площадью, отражаясь в тысячах панорамных окон, продолжал сиять исполинский, пульсирующий крест «Ока Господня» — символ порядка, который карал с той же безупречной, отлаженной регулярностью, с какой благословлял.

Вероника не оглядывалась. Но где-то внутри, в том же месте, куда двумя днями раньше легла найденная в пентхаусе капсула, теперь поселилась вторая, куда менее осязаемая тяжесть — образ девушки, тихо вытирающей слёзы посреди равнодушной, продолжающей молиться толпы.

Глава 5. Троица в деле

Бруклин на закате выглядел иначе, чем Манхэттен, — и не только потому, что здесь заканчивалась официальная юрисдикция Собора. Старые кирпичные склады вдоль набережной, пережившие ещё индустриальный девятнадцатый век, теперь соседствовали с самодельными надстройками из ржавого металла и панелей солнечных батарей, украденных с церковных объектов. Здесь Око Господне видело хуже — не потому, что здание синдиката специально экранировали, а потому что весь квартал давно превратился в слепое пятно на карте города, куда чиновники предпочитали не соваться без крайней необходимости.

— Подтверждаю периметр, — голос Ники в наушнике звучал непривычно напряжённо, куда собраннее, чем обычно во время рутинных заданий. — Датчики движения на входе синхронизированы с местной, не церковной, сетью. Их не обмануть стандартным кодом обхода — придётся резать физически.

— Именно поэтому здесь я, — довольно отозвался Лукас, разминая плечи прямо под ржавой пожарной лестницей, ведущей на крышу склада. На фоне тёмного кирпича его яркая, разрисованная неоновым граффити куртка казалась вызывающе неуместной — но сам он, кажется, ничуть этим не тяготился. — Люблю задания, где сложность решается не мозгами, а хорошим замахом.

— Спокойнее, — Кристиан появился из тени соседнего переулочка бесшумно, как всегда, уже в чёрном рабочем костюме вместо привычного делового, с зеркальной маской, прикреплённой к поясу. — Синдикат держит здесь не просто данные — если верить разведке, у них есть и вооружённая охрана, привыкшая иметь дело с должниками, а не с профессионалами. Не стоит их недооценивать из-за отсутствия церковных технологий.

Вероника спрыгнула с водосточной трубы соседнего здания, приземлившись рядом бесшумным, отработанным движением.

— Судя по тепловизору с крыши, внутри трое, — сообщила она. — Двое у главного входа, один блуждает где-то в глубине склада, возможно, у самого архива.

— Значит, план прежний, — Кристиан кивнул, обводя взглядом всех троих. — Лукас вскрывает боковую бронированную дверь на погрузочной платформе — она дальше от охраны у главного входа, у нас будет пара минут форы. Вероника, ты со мной внутрь, к архивным серверам. Работаем тихо, насколько это вообще возможно с учётом того, что нам предстоит.

— Тихо — не совсем моя специальность, — заметил Лукас, но без всякого протеста, уже направляясь к погрузочной платформе широким, уверенным шагом человека, для которого физическая работа была не тяготой, а естественным состоянием.

— Ника, держи связь с обоими каналами одновременно, — добавил Кристиан, поправляя маску на поясе. — Если засекут раньше времени, нужно будет вытаскивать всех троих разом.

— Уже держу, — сухо отозвалась она. — Кстати, раз уж вы всё равно ждёте у платформы — тепловая карта показывает, что третий охранник только что сдвинулся ближе к архивным серверам. У вас будет меньше времени внутри, чем рассчитывали.

Бронированная дверь на погрузочной платформе была рассчитана на грузовые дроны и случайных воров, но никак не на человека, чья физическая сила была отработана годами специальных тренировок Ордена. Лукас упёрся плечом в стык между дверью и рамой, там, где обычный замок соединялся со старым гидравлическим механизмом, ещё довоенной сборки, — и, дождавшись сигнала от Ники, что охранники у главного входа отвлеклись на смену камеры, всем весом надавил вниз.

Металл заскрежетал глухо, натужно — не взрыв и не удар, а долгий, контролируемый треск рвущегося металла, — и рама поддалась, приоткрыв щель, достаточную, чтобы протиснуться внутрь.

— Проход открыт, — прохрипел Лукас в микрофон, тяжело дыша, но с явным удовлетворением в голосе. — Через сорок секунд буду держать оборону у платформы. Работайте быстрее, ребята, моё терпение к грубой силе не бесконечно, а вот терпение охраны точно закончится раньше вашей работы.

Внутри склада пахло старой бумагой, машинным маслом и чем-то химическим — вероятно, остатками контрабандных препаратов, которыми синдикат когда-то торговал открыто, пока Церковь не выдавила подобные операции в тень. Вероника и Кристиан двигались вдоль рядов старых серверных стоек, освещённых лишь редкими аварийными лампами, отбрасывающими длинные, ломаные тени.

— Сюда, — Кристиан указал на массивный металлический шкаф в глубине зала, обвешанный самодельными проводами и охранными датчиками кустарной сборки. — Здесь должен быть центральный узел архива.

Вероника присела у панели, доставая из наруча тонкий кабель для физического подключения — синдикат, не доверяя беспроводным сетям Церкви, хранил самые важные данные исключительно на изолированных, автономных серверах.

— Взлом пойдёт медленно, — предупредила она, подключая устройство. — Их шифрование не церковное, но и не примитивное. Минут пять, не меньше.

— У нас есть эти пять минут, — Кристиан облокотился на соседнюю стойку, оглядывая помещение с тем спокойствием, которое всегда казалось Веронике одновременно восхищающим и немного пугающим — способность сохранять полную невозмутимость в любой обстановке, будь то роскошный пентхаус или тёмный, пропахший машинным маслом склад. — Кстати, — добавил он после паузы, — твоя сестра сегодня необычно резка в эфире. Что-то случилось?

— Не знаю, — Вероника, не отрываясь от экрана, где бежали строчки взламываемого кода, чуть нахмурилась. — В последнее время она вообще стала другой. Задаёт больше вопросов. Меньше улыбается.

— Взрослеет, — заметил Кристиан просто. — Рано или поздно это происходит со всеми, кто слишком долго смотрит на этот город чужими глазами через камеру, вместо того чтобы двигаться в нём самому.

В эфире, тем временем, Ника мониторила сразу три потока данных — тепловизор охраны, канал Лукаса и канал Вероники с Кристианом, — и именно поэтому услышала обрывок последней фразы Кристиана раньше, чем предполагалось: канал случайно не переключился обратно на приватный режим после его слов.

Она замерла на долю секунды перед экраном, ощущая, как что-то тёплое и неуместное шевельнулось внутри от того, каким тоном он произнёс «двигаться в нём самому» — будто отчасти обращаясь не только к Веронике, но и куда-то в пространство, где могла услышать и она сама.

Тут же одёрнула себя. Это было глупо, недопустимо, предательски по отношению к сестре — и Ника заставила голос звучать максимально сухо, деловито, возвращая разговор в рабочее русло.

— Охранник у архива движется в вашу сторону, — сообщила она резче, чем требовалось. — Тридцать секунд, не больше.

— Приняли, — коротко ответила Вероника, ускоряя пальцы на клавиатуре.

Ника откинулась в кресле, чувствуя, как щёки предательски горят, хотя рядом никого не было, кто мог бы это заметить. Она ненавидела себя в такие секунды — за то, что позволяла себе даже краем мысли задерживаться на человеке, принадлежащем её собственной сестре. Это было неправильно, глупо, недостойно всей той выдержки, которой она так гордилась перед остальными.

Она сосредоточилась на экранах, загоняя мысль обратно туда, откуда та выползла.

— Идёт, — прошептала Вероника, замечая на периферии зрения свет фонаря, приближающийся из-за дальнего ряда стеллажей. Взлом на экране показывал семьдесят процентов — недостаточно, чтобы прервать процесс без потери данных, слишком много, чтобы просто уйти.

Кристиан среагировал мгновенно, без единого лишнего звука отступив в тень между стойками, там, где свет фонаря не мог его достать. Вероника, не прерывая работы, потянулась свободной рукой к поясу, где крепился короткий парализующий шокер — стандартное оснащение на случай прямого столкновения.

Охранник — грузный мужчина в потёртой кожаной куртке, вооружённый переделанным старым пистолетом, явно кустарной сборки, — прошёл в паре метров от их укрытия, поводя фонарём по рядам стеллажей с ленивой, привычной небрежностью человека, давно уверовавшего, что в это время суток сюда никто не сунется.

Он остановился, будто что-то почуяв — может, лёгкий запах озона от работающего взломщика, может, просто инстинкт, — и начал разворачиваться в их сторону.

Кристиан выступил из тени за долю секунды до того, как луч фонаря должен был их обнаружить — не с оружием, а с голыми руками, движением настолько точным и отточенным, что охранник даже не успел вскрикнуть: короткий, жёсткий удар в основание шеи, и грузное тело мягко осело на бетонный пол, потеряв сознание.

— Чисто, — выдохнул Кристиан, оттаскивая тело в сторону, за ближайший стеллаж, с той же спокойной деловитостью, с какой обычный человек убрал бы упавший стул.

Взлом на экране Вероники завершился секундой позже — сто процентов, зелёная надпись «Доступ получен» замигала на дисплее.

— Данные скачаны, — сообщила она, отключая кабель. — Уходим.

Обратный путь через погрузочную платформу прошёл без осложнений — Лукас всё это время исправно держал оборону, ограничившись лишь тем, что подпёр расшатанную дверь тяжёлым металлическим ящиком, чтобы охрана у главного входа не могла быстро проникнуть внутрь через боковой проход.

— Ну как, живы, целы? — весело поинтересовался он, когда все трое вновь оказались в темноте бруклинского переулка, вдалеке от подсвеченного фонарями склада. — А то я тут уже начал скучать, честно говоря.

— Живы, — Вероника коротко улыбнулась, всё ещё чувствуя, как сердце стучит от недавнего напряжения. — Данные у нас. Задание выполнено.

— Отличная работа, — Кристиан кивнул, окидывая взглядом всю тройку с тем редким выражением искреннего удовлетворения, которое проступало на его лице только после успешно завершённых операций. — Лукас, дверь ты вскрыл виртуозно, даже для тебя.

— Я всегда виртуозен, — Лукас гордо выпятил грудь, но тут же испортил торжественность момента, зевнув во весь рот. — Просто обычно об этом никто не вспоминает, пока дело не доходит до толстых бронированных дверей.

Они двинулись прочь от склада, вглубь тёмных переулков, ведущих к точке эвакуации, где их должен был подобрать неприметный церковный транспорт. Ника в наушниках молчала дольше обычного, прежде чем наконец подать голос:

— Данные получены и в безопасности. Хорошая работа, все трое, — произнесла она ровно, профессионально, ничем не выдавая тех мгновений слабости, что позволила себе несколькими минутами раньше. — Возвращайтесь, тут ждёт горячий кофе и, боюсь, очередной список претензий от Куратора по поводу перерасхода бюджета на новое оборудование.

— Куратор вечно чем-то недоволен, — фыркнул Лукас, поправляя лямку рюкзака с инструментами. — Может, стоит начать выбивать двери и в его кабинете, для разнообразия?

— Только попробуй, — рассмеялась Вероника, впервые за вечер позволив себе полностью расслабиться, — и тебя точно спишут в Чистилище без права на апелляцию.

Они шли сквозь бруклинскую темноту вчетвером — пусть трое физически, а четвёртая лишь голосом в наушниках, — и в этот момент, пока данные синдиката благополучно передавались на защищённые сервера Ордена, никто из них ещё не знал, что среди только что украденной информации скрывается первая нить того клубка, который через несколько месяцев разорвёт их команду на части.

Глава 6. Праздник среди святых

Лифт вёз их наверх без остановок — красная полоса на панели, служебный код Ордена, стирающий все средние этажи Подпрестоля, точно их не существовало. Вероника прислонилась плечом к зеркальной стене кабины и смотрела, как в отражении плывут её собственные ссадины на костяшках. Архив Бруклина дался легче, чем она рассчитывала. Легче — и от этого тревожнее.

Двери разошлись на шестьдесят шестом этаже старой башни на Лексингтон-авеню, той самой, чей шпиль из нержавеющей стали Вероника видела с карниза Эмпайр всего несколько ночей назад. При жизни старого мира здесь размещался клуб, куда пускали только людей с деньгами, достаточными, чтобы не нуждаться в лифте вовсе — сталь, дерево грецкого ореха, витражные плафоны с облаками, нарисованными так, чтобы посетитель на высоте четверти километра над землёй чувствовал себя парящим среди настоящего неба. Клуб закрылся за десятилетия до того, как Церковь взяла город под свою длань, и залы простояли заброшенными почти век, пока Орден Искупителей не выкупил этаж целиком — тихо, без огласки, как выкупают всё, что должно остаться недоступным чужим глазам. Старые росписи облаков подновили. Бар нарекли просто — «Наверху». Ни вывески, ни адреса в общей сети.

— Ты как будто не рада, — Ника подтолкнула Веронику локтем, входя следом за ней в зал.

— Я рада, что не рада, — ответила Вероника и не стала объяснять. Она чувствовала капсулу — тяжёлую, холодную, вшитую в подкладку боевого комбинезона под левым ребром, — с той минуты, как забрала её со стола чиновника. За эти дни капсула успела стать частью её тела, как ещё одно ребро, о котором не думаешь, пока не задышишь глубже обычного.

Зал уже гудел голосами. Десяток Искупителей — свои, немногие из допущенных — стояли и сидели вразнобой у длинной стойки орехового дерева, потемневшей от времени и рук нескольких поколений хозяев жизни, которых сменила Церковь. Витражные облака над головой светились изнутри мягким, нарочито тёплым светом, будто кто-то специально выкрутил цветовую температуру, чтобы люди в этом зале забывали хотя бы на два часа, что снаружи — фиолетовый неон и штрафные дроны.

Кристиан стоял у окна спиной к комнате. Без маски, без костюма-тройки — просто в тёмной рубашке с расстёгнутым воротом, и это несоответствие бросалось в глаза сильнее любой брони: человек, который несколько часов назад одним ударом выключил охранника в Бруклине, сейчас казался почти домашним. Он обернулся, увидев Веронику, и его лицо на секунду сделало то, чего оно никогда не делало на людях в Соборе — стало просто счастливым.

— Архивариус справилась, — сказал он вместо приветствия, кивнув в сторону Ники. — Быстрее, чем я рассчитывал.

— Я всего лишь держала таймер, — буркнула Ника, но щёки у неё порозовели. Она отвернулась к стойке слишком резко и слишком быстро попросила у бармена что-нибудь покрепче церковного вина.

Лукас уже сидел за круглым столом у дальнего окна, откинувшись на спинку стула так, что тот скрипел под его весом, и рассказывал что-то троим младшим Искупителям, размахивая руками — судя по жестам, изображал, как выбивал бронированную дверь архива. Граффити-заплатки на его куртке светились в темноте зала слабым фосфором, и это было единственным пятном настоящего цвета среди приглушённой роскоши бара.

— ...а она даже не покачнулась! — говорил он. — Полтонны стали, а я такой — раз, и всё, приехали.

— Ты преувеличиваешь вдвое, — заметила подошедшая Вероника, садясь рядом.

— Я художник, Вероника. Художники имеют право на масштаб.

Она рассмеялась — впервые за вечер по-настоящему, коротко и легко, и капсула под рёбрами словно стала чуть теплее от этого смеха, отступила куда-то на задний план сознания. Она заслужила один вечер без подозрений. Кристиан заслуживал шанса на объяснение — если объяснение вообще понадобится, если пустая графа даты рядом с его подписью была не тем, чем выглядела в ту ночь, если, если, если. Вероника умела строить стены из этого слова не хуже, чем строила траектории прыжков.

Кристиан подошёл, поставил перед ней бокал — не церковное вино, настоящее, довоенное, из подвалов, о существовании которых знали единицы, — и сел напротив.

— За Троицу, — сказал он, поднимая свой бокал. — За то, чтобы синдикат в Бруклине ещё долго считал, что его архив цел.

— За Троицу, — эхом откликнулась Ника с соседнего столика, слишком громко, слишком старательно бодро.

Они выпили. Кристиан не сводил глаз с Вероники поверх края бокала, и это было именно то, ради чего она всегда возвращалась к нему — не слова, а взгляд, в котором она была единственным человеком в зале, единственным человеком в городе. Она позволила себе утонуть в этом взгляде на несколько долгих секунд.

— У меня для тебя кое-что есть, — сказал он, отставляя бокал.

Он вытащил из внутреннего кармана рубашки маленькую плоскую коробочку — не церковного образца, без штампа Ока Господня на крышке, а простую, из тёмного бархата, какие делали ещё в старом мире. Открыл её на ладони.

Внутри лежал тонкий серебряный крест на цепочке — не ритуальный клинок в миниатюре, не символ Ордена с багровой окантовкой, а просто крест, старый, потемневший от времени, с едва заметной гравировкой по краю, стёртой почти до гладкости.

— Это не церковное серебро, — сказала Вероника тихо, поднимая крест на свет. Металл был холоднее того, к какому она привыкла — настоящий, немодифицированный, без вживлённого чипа.

— Нет, — согласился Кристиан. — Это моей матери. Единственное, что от неё осталось после того, как отца сослали в Чистилище. Я хотел, чтобы оно было у тебя.

Он сказал это просто, без пафоса, каким Церковь обставляла каждое своё слово, и именно эта простота ударила Веронику сильнее, чем любая красивая фраза могла бы. Она наклонила голову, и он застегнул цепочку у неё на шее сам, пальцы на секунду задержались на её коже дольше необходимого.

За соседним столиком Ника смотрела на это, зажав бокал в кулаке так, что костяшки побелели. Она отвернулась первой — раньше, чем кто-то успел бы заметить выражение её лица, — и уставилась в тёмное окно, за которым лежал перевёрнутый вверх ногами Манхэттен: небо внизу, огни вверх, гравитация, которую отменяла высота шестьдесят шестого этажа.

— Эй, — Лукас плюхнулся рядом с ней, без спроса забрав у неё бокал и сделав глоток. — Ты какая-то зелёная. Морская болезнь на высоте?

— Заткнись, Лукас.

— Грубо. Я, между прочим, спас твою бронированную дверь сегодня.

— Ты её выбил, а не спас.

— Нюансы, — он ухмыльнулся и вернул ей бокал, уже почти пустой. Затем его комм на запястье коротко завибрировал, и улыбка на его лице на долю секунды застыла — не исчезла, а именно застыла, как будто кто-то нажал паузу на середине кадра. Он бросил взгляд на экран, коротко выругался про себя и поднялся.

— Куда собрался? — спросила Ника машинально, ещё не отойдя от собственных мыслей.

— Дела, — он уже отходил к выходу, к узкому коридору, ведущему к старым служебным лестницам клуба, которые Орден не стал переделывать — только заблокировал доступ

на нижние этажи. — Пять минут, никуда не уходи, мне нужен свидетель, что я не соврал про полтонны стали.

Он вышел. Ника осталась смотреть ему вслед несколько секунд дольше, чем требовалось, — не потому, что заподозрила что-то, а просто потому, что взгляд не на что было больше положить, кроме как на пустую дверь коридора или на Веронику с Кристианом за соседним столом, а туда смотреть было больнее.

Лукас вернулся спустя добрых десять минут, не пять — покрасневшийся, будто поднимался по лестнице бегом, хотя коридор вёл в тупик из трёх пустующих подсобных комнат. Он сел на своё место с прежней ухмылкой, словно вообще никуда не отлучался, и когда бармен принёс общий счёт компании — толстую керамическую плашку с цифрой Индульгенций, — Лукас перехватил её раньше, чем кто-либо успел потянуться за своим браслетом.

— Я угощаю, — объявил он.

— С каких это пор? — Ника прищурилась. Сумма на плашке была не той, за которую платят из простого молодечества после удачного дела — Орден и так щедро оплачивал контракты, но не настолько щедро, чтобы младший наёмник мог небрежно закрыть счёт на несколько человек одним касанием браслета.

— С сегодняшних, — Лукас пожал плечами и приложил запястье к сканеру. Огонёк на плашке мигнул зелёным, подтверждая списание. — Удачный день. Хочется поделиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.